

С.Ю. Бытко*, Е.В. Курочка**

О некоторых спорных вопросах соучастия

В последнее время высшими должностными лицами государства все чаще затрагивается тема формирования национальной идеи, повышения уровня правовой культуры общества, преодоления правового нигилизма¹.

Перечисленные задачи взаимосвязаны. Формирование национальной идеи подразумевается в качестве направления общественного развития государства, построенного на принципах свободы и равенства, непременным атрибутом которого является высочайший уровень правосознания и правовой культуры. Важную роль в этом играет совершенствование отраслевых институтов права, разрешение спорных правовых вопросов, напрямую затрагивающих права и интересы отдельных граждан.

Одним из таких сложных и до конца не урегулированным является институт соучастия в преступлении, в том числе из-за противоречивой позиции Верховного Суда РФ. Основная цель, которая стоит перед учеными-криминалистами, состоит в том, чтобы выработать формальные критерии, позволяющие назначать каждому соучастнику справедливое наказание с учетом общественной опасности совершенных им преступных действий. Для достижения данной цели необходимо решить сложную задачу свести все многообразие преступных проявлений при соучастии к жестко очерченным в законе формам. Однако жизнь, как известно, плохо вписывается в формальные рамки. Это обстоятельство, по нашему мнению, и является причиной удручающего состояния уголовно-правовой теории в области соучастия, характеризующегося наличием множества точек зрения на отдельные проблемы соучастия, изменчивостью позиции Верховного Суда РФ в вопросах соучастия.

* Доцент кафедры уголовного права и криминологии Саратовского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.

** Доцент кафедры уголовного права и криминологии Саратовского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.

¹ См., напр.: *Кузьмин В., Власова Е.* Президент отвечает // Российская газета. 2005. 28 сент.; Полный текст выступления Дмитрия Медведева на II Гражданском форуме в Москве 22 января 2008 года // Российская газета. 2008. 24 янв.; Утро Медведева. Избранный Президент Дмитрий Медведев дал обширное интервью британской газете «Файненшл тайме» // Российская газета. 2008. 27 марта.

1. Причинная связь между действиями всех соучастников и совершением преступления непосредственными исполнителями преступления. Преобладающая среди отечественных теоретиков уголовного права точка зрения по этому вопросу сводится к тому, что при соучастии действия всех соучастников в совокупности образуют ту единственную причину, которая в существующих условиях со всей необходимостью порождает наступление общественно опасных последствий.

Иногда при соисполнительстве такой подход к установлению причинной связи представляется оправданным. Например, при совершении кражи с незаконным проникновением в жилище соисполнители совместно выносят имущество из квартиры и тем самым причиняют имущественный ущерб потерпевшему. В других случаях установить причинную связь между действиями соучастников сложнее. Особенно это касается действий подстрекателя и интеллектуального пособника.

В теории уголовного права причинная связь между деянием и последствиями имеет место, если деяние: во-первых, является необходимым условием наступления общественно опасных последствий; во-вторых, создает реальную возможность их наступления; в-третьих, закономерно, с внутренней необходимостью порождает наступление этих общественно опасных последствий².

Очевидно, что все эти признаки можно обнаружить только в действиях непосредственного исполнителя (соисполнителей) преступления. Действия, например, интеллектуального пособника не могут признаваться составной частью причины, поскольку оказывают воздействие только на волю и сознание непосредственного исполнителя, а в объективной действительности никаких изменений не производят. Поэтому, с нашей точки зрения, при анализе причинной связи при соучастии следует говорить не о том, что действия всех соучастников совместно образуют причину наступивших общественно опасных последствий, а о том, что *действия соучастников порождают необходимые условия для совершения преступления непосредственным исполнителем (соисполнителями)*.

При этом совершенно не обязательно, чтобы действия соучастников производили какие-то изменения в окружающей среде, которые мы именуем условиями совершения преступления. По нашему мнению, основные результаты деятельности соучастников состоят в воздействии на психику исполнителя, порождая в нем стремление совершить преступление.

Однако исполнитель не является управляемым извне существом. Как и каждый из нас, он обладает свободой воли. Поэтому решение о совершении преступления он принимает самостоятельно, хотя и под внешним воздействием. Можно сказать, что психическая сфера личности исполнителя является своего рода ареной борьбы между собственными устремлениями личности и привнесенными извне новыми представлениями, желаниями, мотивами, страхами.

Даже физический пособник (т.е. лицо, содействующее совершению преступления предоставлением оружия, устранением препятствий и т.п.) создает не только внешние условия для совершения преступления, но и, что самое главное, оказывает воздействие на волю и сознание исполнителя, укрепляя его решимость совершить преступление.

² Подробнее об этом см.: Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления // Курс российского уголовного права. Общая часть. М., 2001. С. 194–212.

Поэтому нельзя утверждать, что действия, например, подстрекателя находятся в причинной связи с наступившими последствиями, поскольку они не отвечают в полной мере признакам причинной связи, так как исполнитель, обладая свободой воли, может отказаться от совершения преступления, а может совершить другое преступление.

Если же человек не обладает свободой воли (например, является невменяемым), то внешнее воздействие на такое лицо, не встречая внутреннего психического барьера, непосредственно приводит к совершению деяния.

Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что характер и степень общественной опасности действий каждого соучастника во многом определяются степенью его воздействия на сознание и волю непосредственного исполнителя (соисполнителей) преступления. Например, подстрекатель к убийству по найму оказывает решающее воздействие на исполнителя, непосредственно формируя мотив для убийства. Воздействие же пособника, обещавшего помочь в сокрытии тела, более скромное. Соответственно, при прочих равных условиях, подстрекатель понесет значительно более строгое наказание, чем пособник.

2. Спорным в теории уголовного права также является вопрос об обязательном наличии *двусторонней субъективной связи между исполнителем и другими соучастниками*.

Существуют две основные точки зрения по данному вопросу: 1) осведомленность исполнителя о наличии подстрекателя и пособника является необязательным признаком для соучастия. Для соучастия достаточно, чтобы подстрекатель или пособник осознавали, что исполнитель действует умышленно (В.С. Прохоров); 2) при соучастии обязательно наличие двусторонней субъективной связи между исполнителем и организатором, исполнителем и подстрекателем, исполнителем и пособником (Р.Р. Галиакиров).

Критикуя первую точку зрения, Г.Л. Кригер указывал, что она противоречит принципу субъективного вменения и признаку совместности³.

М.А. Шнайдер утверждал, что действия лиц, тайно, без ведома исполнителей способствовавших ему в совершении преступления, не имеют никакого значения для ответственности исполнителя и не могут быть ему вменены по правилам о соучастии⁴.

В свою очередь, В.С. Прохоров, анализируя позицию М.А. Шнайдера, указывает, что в приведенном им примере в действиях исполнителя нет признаков соучастия, однако ничто не мешает привлечь к уголовной ответственности по правилам о соучастии подстрекателей и пособников⁵.

Как видим, оппоненты приводят серьезные доводы в свою пользу. Вместе с тем необходимо отметить, что различия в двух приведенных позициях на практике проявляются (если и проявляются вообще) в эпизодических случаях, таких как в приведенном М.А. Шнайдером примере, когда соучастники содействуют непосредственному исполнителю без ведома последнего (например, подбрасывают оружие, которым исполнитель может воспользоваться для убийства). Представляется, что для нас больший

³ См.: Кригер Г.Л. Соучастие в преступлении // Курс российского уголовного права. Общая часть. С. 343.

⁴ См.: Шнайдер М.А. Советское уголовное право. Часть общая. М., 1964. С. 197.

⁵ См.: Прохоров В.С. Соучастие в преступлении. Курс советского уголовного права. Часть общая. Т. 1. Л., 1968. С. 597.

интерес представляют не такие гипотетические примеры, а реальные преступления. Как известно, в нашей стране организованная преступность получила широкое распространение с началом перестройки. За это время появились преступные сообщества, имеющие достаточно сложную внутреннюю структуру, в которой организатор отделен от непосредственного исполнителя преступления несколькими ступенями внутренней иерархии.

Так, *рядовой участник (исполнитель) одного из преступных сообществ входит в состав тройки (низового подразделения). Типичный случай совершения преступления (например, вымогательства) происходит следующим образом. Исполнитель получает по телефону указание – на улице сесть в машину с определенными номерами и выполнять указания водителя. В машине вместе с ним перемещаются незнакомые ему другие исполнители. Одному из них по телефону сообщают адрес и приметы бизнесмена, у которого необходимо потребовать деньги, после чего группа, состоящая из незнакомых ранее людей, совершает собственно вымогательство.*

Данный пример показывает, что при соучастии субъективная связь между соучастниками носит достаточно абстрактный, неконкретизированный характер: исполнители могут быть незнакомы лично с организатором, организатор, в свою очередь, может не знать, кто конкретно будет исполнителем преступления, одновременно организатор и исполнители могут ничего не знать о пособниках.

Таким образом, достаточным условием для соучастия является осведомленность (пусть даже и абстрактная) о наличии других соучастников и о совместной цели.

3. Еще одним вопросом соучастия, по которому расходятся мнения теоретиков, является деятельность **пособника**. А.А. Арутюнов высказал точку зрения, что заранее обещанное сокрытие преступника, средств или орудий совершения преступления, следов преступления либо предметов, добытых преступным путем, приобретение или сбыт таких предметов не могут быть отнесены к пособнической деятельности, поскольку совершаются после совершения преступления. По его мнению, существующее в литературе объяснение, что в причинной связи с совершением преступления находятся не сами заранее обещанные действия по приобретению или сбыту имущества, добытого преступным путем, а заранее данное обещание совершить такие действия, не спасает положения. Данное объяснение, пишет А.А. Арутюнов, базируется на теории «информационной причинности», согласно которой взаимодействие причины и следствия характеризуется не только как передача вещества и энергии, но и как передача информации от одного предмета к другому. Однако, по мнению А.А. Арутюнова, передача информации не может вызвать изменения во внешнем мире, а следовательно, такое объяснение не может быть принято⁶.

Считаем, что аргументацию, использованную А.А. Арутюновым, нельзя признать достаточно весомой. По его мнению, передача информации не порождает изменений в материальном мире, причем этот тезис А.А. Арутюнов никак не обосновывает. Хотя вся человеческая деятельность в той или иной мере связана с передачей информации от человека к человеку,

⁶ См.: Арутюнов А.А. Соучастие в преступлении по уголовному праву Российской Федерации: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 38.

что в конечном итоге приводит к совершенно конкретным изменениям в окружающем мире.

Кроме того, А.А. Арутюнов допускает непоследовательность в своих рассуждениях. Так, заранее данное обещание сокрыть преступника, по его мнению, не производит изменений в окружающем мире и не может быть отнесено к пособнической деятельности. В то же время дача советов и указаний, предоставление информации, по его мнению, могут быть отнесены к пособничеству, хотя эти действия не производят сами по себе изменений в окружающем мире, но об этом А.А. Арутюнов умалчивает.

Пособник, давая обещание сокрыть преступника, средства или орудия совершения преступления и т.п., оказывает воздействие на волю и сознание исполнителя, укрепляет его решимость совершить преступление и тем самым порождает условия совершения преступления.

Не соглашаясь с точкой зрения, высказанной А.А. Арутюновым, в то же время считаем, что понятие пособничества, данное в ч. 5 ст. 33 УК РФ, необходимо изменить. Главным недостатком законодательного определения пособничества мы считаем ограниченный перечень действий, образующих пособничество. Такой способ описания чреват возникновением пробелов в законодательстве. Например, действия посредника, передающего должностному лицу взятку в виде денег, традиционно квалифицируются как пособничество в получении взятки, хотя такая квалификация не является точной. В соответствии с законодательным определением пособник предоставляет средства или орудия совершения преступления, а при получении взятки посредник передает должностному лицу **предмет** преступления — деньги.

Таким образом, при квалификации взяточничества допускается массовое нарушение законодательства, состоящее в расширительном, не основанном на законе толковании пособнической деятельности⁷. Как представляется, выходом из такой ситуации может стать дополнение понятия пособника указанием на создание им иных условий для совершения преступления.

4. Одним из наиболее сложных в уголовном праве является вопрос о **формах соучастия**. Прежде всего, не определено значение самого термина «форма соучастия». Советский энциклопедический словарь определяет форму как внешнее выражение какого-либо содержания. Содержание и форма являются взаимосвязанными философскими категориями. Содержание — определяющая сторона целого, совокупность его частей; форма — способ существования и выражения содержания⁸.

Содержанием соучастия выступает совместная преступная деятельность соучастников, соответственно формой — внешнее проявление совместной преступной деятельности.

Существует множество классификаций форм соучастия, в основу которых положены следующие критерии: степень согласованности преступной деятельности; способ взаимодействия соучастников; степень согласо-

⁷ См.: П. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «По делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» от 10 февраля 2000 г. № 6 (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 7 от 6 февраля 2007 г. «Об изменении и дополнении некоторых постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам») // ВВС РФ. 2007. № 5.

⁸ См.: Советский энциклопедический словарь. М., 1981. С. 945.

ванности соучастников и совместность (организованность) действий соучастников; характер участия в преступлении и т.д.⁹

Для решения вопроса о классификации форм соучастия целесообразно начать с определения самого понятия «классификация». Представляется приемлемой следующая дефиниция: «... под классификацией будем понимать состоявшуюся систему знания, понятия которой означают упорядоченные группы, по которым распределены объекты некоторой предметной области на основании их сходства в определенных свойствах. Эта система призвана решать две основные задачи: во-первых, представлять в надежном и удобном для обозрения и распознавания виде все объекты этой предметной области; во-вторых, содержать как можно больше существенной информации о них...»¹⁰. Из приведенного определения можно вывести следующие требования к критерию, положенному в основу деления соучастия на формы:

– он должен быть объективным, т.е. выраженным вовне, проявляться в действиях соучастников и в то же время давать возможность характеризовать внутреннюю, психическую сторону их деятельности, подобно тому, как признаки объективной стороны состава преступления характеризуют не только внешнее проявление преступления, но и психико-волевое отношение субъекта к совершенному деянию и наступившим последствиям;

– позволяет выстроить иерархию форм соучастия, при которой простейшие формы соучастия являлись бы составными элементами более сложных форм;

– должен отражать общественную опасность формы соучастия;

– позволяет однозначно разграничивать между собой формы соучастия. Выдающийся историк Л.Н. Гумилев сделал вывод, что, чем сложнее структура этноса, тем больше устойчивость этого этноса, выше его способность переносить века смятений, смут и мирного увядания¹¹.

Применительно к системам более низкого, чем этнос, уровня данное высказывание также применимо. Чем более сложной является внутренняя структура какой-либо организации, чем больше количество взаимосвязей между ее внутренними элементами, тем выше ее устойчивость к внешним воздействиям, ее приспособительные возможности.

В полной мере рассуждения об устойчивости более сложных систем относятся и к соучастию. Чем более сложные организационные формы принимает соучастие, тем выше его возможности в противодействии правоохранительным органам и конкурирующим преступным образованиям. Более того, усложнение внутренней организационной структуры форм соучастия качественно повышает уровень общественной опасности совершаемых преступлений. Группа лиц может совершить такие преступления,

⁹ Проблеме определения форм соучастия только в последнее время посвящено несколько работ. См., напр.: *Розенко С.В.* Формы и виды организованной преступной деятельности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001; *Карлов В.П.* Формы соучастия: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2004; *Мондохонов А.Н.* Формы соучастия в преступной деятельности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005; *Балеев С.А.* Формы соучастия в преступлении как проблема правоприменительной практики // Научные труды Казанского юридического института МВД России. Вып. 5. Казань, 2005.

¹⁰ *Субботин А.Л.* Классификация. М., 2001. С. 10.

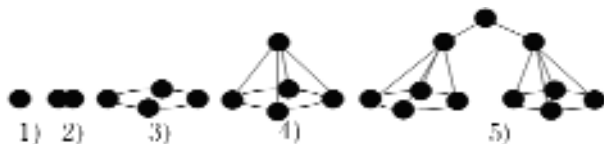
¹¹ *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. М., 1993. С. 101–119.

которые не под силу одиночному преступнику. В свою очередь, преступное сообщество, обладая разветвленной структурой, может совершать преступления, на которые не способны организованные группы.

Преступные организации, являющиеся высшей формой соучастия, совершают преступления в течение многих лет, пользуясь прикрытием со стороны коррумпированных чиновников и сотрудников правоохранительных органов. В то же время простейшие преступные образования такой живучестью не отличаются, их деятельность быстро пресекается правоохранительными органами.

Сложность внутренней структуры преступной группы определяет характер взаимоотношений между соучастниками, распределение ролей при совершении преступления, а также позволяет оценить уровень общественной опасности такой группы (организации) по сравнению с другими преступными формированиями.

Таким образом, по нашему мнению, *критерием деления соучастия на формы выступает сложность внутреннего организационного устройства совместной преступной деятельности соучастников*. Чем более

сложную внутреннюю структуру имеет преступное формирование, тем оно опаснее и тем больше преступлений оно совершает, дольше существует.

Выше мы попытались схематично изобразить эволюцию форм соучастия от самых простых и менее опасных к наиболее сложным и опасным.

1) Представлен случай совершения преступления единственным исполнителем, соучастие отсутствует.

2) Имеет место совершение преступления двумя соисполнителями. Имеет место простейший вид соучастия без разделения ролей. Каждый соисполнитель в полном объеме или частично выполняет объективную сторону состава преступления.

3) Схематически изображена следующая форма — группа лиц, действующих по предварительному сговору. Имеет место разделение ролей. Внутри группы отсутствует иерархия.

4) Представлена организованная группа — возникает иерархия. Группу возглавляет организатор.

5) «Вершина» эволюции форм соучастия преступное сообщество (преступная организация). Здесь присутствует многоуровневая иерархия: руководитель сообщества — руководители входящих в сообщество групп — рядовые участники сообщества.

Рассмотрим некоторые спорные вопросы, возникающие при определении форм соучастия.

Группа лиц, действующих по предварительному сговору. В соответствии с ч. 2 ст. 35 УК РФ преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления.

Существенным признаком группы лиц по предварительному сговору, в отличие от просто группы лиц, является состав соучастников. Группу

лиц, действующих без предварительного сговора, в соответствии с ч. 1 ст. 35 УК РФ образуют два (или более) **соисполнителя**, каждый из которых в полном объеме или частично совершает деяния, предусмотренные объективной стороной состава преступления. В отличие от этой формы соучастия в группу лиц по предварительному сговору могут входить также организаторы, подстрекатели и пособники, количество исполнителей (соисполнителей) преступления в ч. 2 ст. 35 УК РФ законом не устанавливается. Однако в судебной практике получила распространение не основанная на законе точка зрения, согласно которой преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в его совершении участвовали два и более соисполнителя.

Так, *военным судом Приволжского военного округа осужден Е. за совершение (помимо иных преступлений) убийства по предварительному сговору группой лиц с целью облегчить совершение другого преступления, а А. – за пособничество в этом убийстве. Военная коллегия Верховного Суда РФ, рассмотрев 12 августа 1999 г. дело в кассационном порядке, расценила квалификацию действий осужденных как ошибочную и приговор в этой части изменила, указав следующее. Убийство потерпевшего Д. совершил один Е., набросив ему на шею веревку и удушив таким образом. А. в лишении жизни Д. участия не принимал. Он лишь содействовал Е. тем, что завлек потерпевшего в уединенное место. Поскольку соучастие в виде пособничества в убийстве потерпевшего не образует группы, то квалифицирующий признак убийства, предусмотренный п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ, «Совершенное группой лиц по предварительному сговору» вменен обоим осужденным необоснованно¹².*

Как видим, суды толкуют понятие «группа лиц по предварительному сговору» вопреки буквальному содержанию ч. 2 ст. 35 УК РФ.

По нашему мнению, причина такого толкования базируется на представлении о том, что существует такая самостоятельная форма соучастия, как сложное соучастие, при котором в совершении преступления участвуют организатор, подстрекатель, пособник и один исполнитель. Если же исполнителей несколько, то имеет место группа лиц по предварительному сговору.

Сложное соучастие, по мнению некоторых авторов, не всегда повышает общественной опасности преступления, особенно при совершении преступления исполнителем совместно с пособником и другими, предусмотренными законом соучастниками¹³.

Практические последствия применения на практике данной точки зрения можно рассмотреть на следующих примерах:

1) *исполнитель совершает тайное хищение автомагнитолы из машины и по заранее достигнутой договоренности сбывает ее пособнику.* Данное деяние в соответствии с критикуемой позицией надо квалифицировать по ч. 1 ст. 158 УК (кража), максимальное наказание при этом составит 2 года лишения свободы. При этом сложное соучастие, образуемое действиями исполнителя и пособника, нельзя учитывать в качестве отягчающего обстоятельства, поскольку группы лиц по предварительному сго-

¹² БВС РФ. 2000. № 5. С. 8.

¹³ См.: *Галиакбаров Р.Р.* Борьба с групповыми преступлениями. Вопросы квалификации. Краснодар, 2000. С. 9.

вору здесь не будет, а сложное соучастие не являетсяотягчающим обстоятельством, предусмотренным ст. 63 УК РФ;

2) *если же исполнителей будет двое, то квалифицировать действия соисполнителей и пособника следует уже по п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ, максимальное наказание 5 лет лишения свободы.*

Из рассмотренных примеров видно, какое гипертрофированное значение придается соисполнительству как главному признаку группы лиц по предварительному сговору, существенно повышающему общественную опасность соучастия. Не соглашаясь с такой позицией, отметим, что количество исполнителей преступления может зависеть от случайных обстоятельств, но представляется, что в первую очередь их число в группе лиц по предварительному сговору определяется **технической сложностью** совершения общественно опасного деяния. С развитием техники большинство преступлений вполне может быть совершено и одним-единственным исполнителем, например, те же кражи из автомобилей. Заметим при этом, что общественная опасность преступления может быть не связана со сложностью его совершения.

В то же время недооцененной остается деятельность других соучастников, к примеру, действия того же пособника могут сыграть решающую роль в формировании мотивационно-волевого комплекса у непосредственного исполнителя, поскольку сбыт похищенного имущества является одним из самых уязвимых, с точки зрения преступников, звеньев преступной деятельности. Поэтому профессиональный безопасный сбыт похищенного пособником, а не соисполнительство, по нашему мнению, будет фактором, существенно повышающим общественную опасность соучастия.

Аппроксимируя данное утверждение, можно сделать вывод о том, что соучастие в любом случае повышает общественную опасность преступления, а выделение сложного соучастия и его отграничение от группы лиц по предварительному сговору проводятся необоснованно. Предъявление обязательного требования о наличии двух соучастников в группе лиц по предварительному сговору существенно ослабляет уголовно-правовое воздействие на лиц, совершивших преступления при такой форме соучастия; порождает неадекватную уголовную статистику, ограничивает возможности по эффективному предупреждению преступности.

В теории уголовного права ошибочность сложившейся практики квалификации преступлений, совершенных группой лиц по предварительному сговору, отмечалась ранее¹⁴.

По-видимому, понимание ошибочности сложившейся практики квалификации групповых преступлений приходит и к высшим органам судебной власти РФ. Иначе сложно объяснить позицию Пленума Верховного Суда РФ, изложенную в п. 10 Постановления «По делам о краже, грабеже, разбое».

Столкнувшись с ситуацией, когда общепринятая практика квалификации групповых хищений приводит к смягчению наказания в случаях, когда в совершении хищения принимают участие, кроме исполнителя, организатор, подстрекатель или пособник, Верховный Суд существенно расширил границы соисполнительства. Вопреки своим же предшествующим

¹⁴ См., напр.: Кригер Г.Л. Соучастие в преступлении // Курс российского уголовного права. Общая часть. С. 373.

решениям Верховный Суд предлагает признавать исполнителями при хищениях не только лиц, которые непосредственно изымают имущество (т.е. выполняют объективную сторону состава преступления), но и других, например, участвовавших во взломе дверей, запоров, решеток, по заранее состоявшейся договоренности вывозивших похищенное, подстраховывавших других соучастников от возможного обнаружения совершаемого преступления (т.е. тех, кого ранее традиционно относили к пособникам!).

По нашему мнению, позиция Верховного Суда непоследовательна, ломает сложившуюся практику квалификации групповых преступлений. Неправильное толкование уголовного закона в данном случае ведет к тому, что не получают должной правовой оценки и соответствующего сурового наказания соучастники групповых преступлений, а уголовная статистика дает «приглаженную», смягченную картину преступности в стране.

Представляется, что ситуацию могло бы исправить внесение изменений в указанное выше Постановление таким образом, чтобы привести толкование группы лиц по предварительному сговору в соответствие с положениями ч. 2 ст. 35 УК РФ.

Организованная группа. В соответствии с ч. 3 ст. 35 УК РФ, организованная группа — это устойчивая группа лиц, заранее объединившаяся для совершения одного или нескольких преступлений. К сожалению, до сих пор отсутствует четкая позиция Верховного Суда по вопросу об этой форме соучастия.

Традиционно в теории и практике предполагалось, что в состав организованной группы входят как минимум два человека. Однако новая редакция п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 6 февраля 2007 г. «О судебной практике по делам о краже, грабеже, разбое» предлагает вменять квалифицирующий признак «организованная группа» только в тех случаях, когда преступление совершают два и более исполнителя¹⁵.

Как и в случае с группой лиц по предварительному сговору, Верховный Суд признает наличие двух соисполнителей обязательным признаком организованной группы, однако данное положение не вытекает из содержания ч. 3 ст. 35 УК РФ, не основано на законе. Если же принять точку зрения Верховного Суда, необходимо сделать вывод о том, что минимальная численность организованной группы должна составлять три человека — двух исполнителей и организатора (наличие организатора вытекает из п. 15 того же постановления).

Считаем, что позиция Верховного Суда, не основанная на законе, как и в случае с группой лиц по предварительному сговору, влечет негативные последствия для правоприменительной практики, в том числе и при квалификации и назначении наказания участникам организованных групп, состоящих из двух человек.

Преступное сообщество (преступная организация). Преступное сообщество — наиболее опасная форма соучастия, имеющая сложную иерархическую структуру. В соответствии с ч. 4 ст. 35 УК РФ, преступным сообществом (преступной организацией) признается сплоченная

¹⁵ См.: Досюкова Т.В., Лапулина Н.Н. Актуальные проблемы уголовного права (по постановлениям Пленума Верховного Суда РФ и опубликованной судебной практике). Саратов, 2007. С. 134.

организованная группа (организация), созданная для совершения тяжких или особо тяжких преступлений, либо объединение организованных групп, созданное в тех же целях.

Определенные проблемы в теории и практике создает толкование термина «сплоченность». Словарь по социальной психологии определяет сплоченность как «один из процессов групповой динамики, характеризующий степень приверженности к группе ее членов. В качестве конкретных показателей групповой сплоченности, как правило, рассматриваются: 1) уровень взаимной симпатии в межличностных отношениях. Чем большее количество членов группы нравятся друг другу, тем выше ее сплоченность; 2) степень привлекательности (полезности) группы для ее членов. Чем больше число тех людей, кто удовлетворен своим пребыванием в группе, т.е. тех, для кого субъективная ценность приобретаемых благодаря группе преимуществ превосходит значимость затрачиваемых усилий, тем выше сила ее притяжения, а, следовательно, и сплоченность»¹⁶.

Как видно из указанного определения, понятие сплоченности является сугубо оценочным, поскольку показатели сплоченности не могут быть точно измерены.

В уголовном законе этот термин не определен, что является несомненным дефектом, усложняющим определение уголовно-правовых признаков преступного сообщества. При отсутствии четкого законодательного определения существенно расширяются полномочия правоохранительных и судебных органов, что может повлечь серьезное нарушение прав и свобод граждан.

В некоторых судебных решениях делается попытка провести взаимосвязь между терминами «устойчивость» и «сплоченность». В частности, одним из признаков, свидетельствующих об устойчивости организованной группы (банды), суды называют ее сплоченность¹⁷.

Такой подход нельзя признать правильным, поскольку термины «сплоченность» и «устойчивость» используются законодателем при характеристике качественных признаков различных форм соучастия. Определение устойчивости группы через сплоченность ее участников размывает границы между организованной группой и преступным сообществом.

В правовой литературе делалось много попыток определить эти термины, однако ни одно из определений не стало общепринятым¹⁸. А поскольку отсутствует внятное единообразное теоретическое и судебное тол-

¹⁶ Социальная психология. Словарь. М., 2005. С.

¹⁷ См.: Лица обоснованно осуждены по ст. 209 УК РФ за создание банды и участие в ней (Извлечение) // БВС РФ. 2004. № 4; Обзор кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2001 год. Приговор Верховного Суда Республики Башкортостан отменен в части осуждения Глазкова и Егорова по ч. 1 ст. 209 УК РФ за недоказанность, а по п. «а», «б» ч. 1 ст. 30, ч. 3 ст. 162 УК РФ за отсутствием состава преступления // БВС РФ. 2002. № 9.

¹⁸ В правовой литературе проблема взаимосвязанности признаков «устойчивость» и «сплоченность» является известной. См., например, детальный обзор теоретических взглядов по данной проблеме: Бражников Д., Бычков В. Сплоченность как признак банды // Уголовное право. 2006. № 1. П. Агапов также говорит о ненадежности этих признаков в качестве индикаторов соответствующих форм соучастия (см.: Агапов П. Критерии разграничения организованной группы и преступного сообщества // Законность. 2007. № 5).

кование термина «сплоченность», представляется заслуживающим внимания предложение вообще исключить сплоченность из признаков преступного сообщества (преступной организации)¹⁹.

Д. Бражников, В. Бычков, в частности, предлагают изложить ч. 4 ст. 35 УК РФ в следующей редакции: «Преступление признается совершенным преступным сообществом, если оно совершено объединением нескольких автономных организованных групп или их руководителей, созданным для систематического совершения преступлений». Достоинством данного определения является и то, что устраняется сложная проблема определения формы соучастия в тех случаях, когда преступление совершено сплоченной организованной группой (вспомним, преступным сообществом (преступной организацией) признается сплоченная организованная группа (организация), созданная для совершения тяжких или особо тяжких преступлений, либо объединение организованных групп, созданное в тех же целях).

На практике достаточно сложно определить, является ли организованная преступная группа просто устойчивой или устойчивой и сплоченной. Предложение Д. Бражникова и В. Быčkoва позволяет однозначно избавиться от терминологической неопределенности.

Однако предложенное указанными авторами определение преступного сообщества как простого объединения автономных организованных групп, по нашему мнению, необоснованно. Законодатель, используя в определении преступного сообщества понятие «организация», подчеркивает, что такая форма соучастия имеет сложную внутреннюю структуру. Советский энциклопедический словарь определяет организацию как внутреннюю упорядоченность, согласованность, взаимодействие более или менее дифференцированных и автономных частей целого, обусловленных его строением²⁰. Исходя из этого определения, можно сделать вывод, что организация – явление более сложное, чем просто объединение автономных групп.

В отличие от организованной группы, преступное сообщество имеет более сложную внутреннюю структуру, что проявляется в многоуровневой иерархии, относительной автономности составных частей; едином руководстве; внутренней дисциплине.

Более приемлемым представляется определение преступного сообщества, предложенное А.А. Арутюновым: «Преступление признается совершенным преступным сообществом, если оно совершено сплоченной организацией, созданной для совершения тяжких или особо тяжких преступлений»²¹.

Однако данное определение также несвободно от недостатков в силу все того же неоднозначного толкования понятия «сплоченность». Мы считаем, что с практической точки зрения необходимо отказаться от данного признака в определении преступного сообщества.

Наиболее важным признаком, позволяющим разграничить формы соучастия, является не сплоченность, а сложность их внутренней структуры, позволяющая при более развитой внутренней организации совершать более опасные преступления.

¹⁹ Бражников Д., Бычков В. Сплоченность как признак банды // Уголовное право. 2006. № 1.

²⁰ См.: Советский энциклопедический словарь. М., 1981. С. 1246.

²¹ Арутюнов А.А. Уголовно-правовая характеристика преступного сообщества // Адвокат. 2001. №2.

Более сложное устройство сообщества подразумевает и такие его свойства, как внутреннюю жесткую дисциплину, приводящую в движение весь сложный механизм, сплоченность, взаимовыручку членов преступного сообщества

Исходя из изложенного, предлагается преступное сообщество понимать как *организацию, созданную для совершения тяжких или особо тяжких преступлений.*